

ВАЛЕРИЙ АГРАНОВСКИЙ

**РАЗВЕДЧИК
«МЕРТВОГО
СЕЗОНА»**

Щит и меч

Валерий Аграновский

Разведчик «Мертвого сезона»

«Алисторус»

2008

УДК 355/359
ББК 63.3

Аграновский В. А.

Разведчик «Мертвого сезона» / В. А. Аграновский —
«Алисторус», 2008 — (Щит и меч)

ISBN 978-5-9265-0491-7

В 1961 году мир облетела сенсация: Гордон Арнольд Лонсдейл, крупный английский промышленник-миллионер, получивший от королевы Великобритании титул сэра, арестован за шпионскую деятельность. «Как мог такой уважаемый джентльмен продаться Советам и передавать им сверхважную, абсолютно секретную информацию, представляющую угрозу для государственной безопасности Британии?» – недоумевали западные журналисты. Они бы еще больше удивились, если бы узнали, что Г. А. Лонсдейл был на самом деле советским разведчиком-нелегалом Кононом Трофимовичем Молодым... Некоторые обстоятельства его работы были показаны позже в знаменитом советском фильме «Мертвый сезон», где роль Лонсдейла блестяще сыграл Донатас Банионис. Более подробные сведения о необыкновенной судьбе легендарного разведчика представлены в книге, которая предлагается вашему вниманию.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-9265-0491-7

© Аграновский В. А., 2008

© Алисторус, 2008

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В. А. Аграновский
Разведчик «Мертвого сезона»

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

Предисловие

В самом конце шестидесятых годов я, молодой литератор, упражняющийся в сочинении детективов и уже напечатавший к тому времени (правда, под псевдонимом и в соавторстве) несколько приключенческих повествований в центральных молодежных журналах, получил неожиданное предложение от соответствующего ведомства собрать материал для документальной повести о советском разведчике Г. А. Лонсдейле.

Я знал понаслышке, что Лонсдейл был крупным английским промышленником-миллионером, получившим от королевы Великобритании звание сэра, что он был арестован в Англии, осужден, сидел какое-то количество лет, а потом обменен на коммерсанта Винна (или Девинна?), изобличенного в шпионской деятельности против СССР и приговоренного у нас к тюремному заключению.

Немного поразмыслив, я дал согласие, движимый более любопытством, нежели желанием писать о Г. А. Лонсдейле. Откровенно признаться, к «шпионским» детективам я и до сих пор отношусь с предубеждением: меня шокирует то обстоятельство, что с их помощью молодому и неопытному читателю в сладостной облатке погонь, перестрелок и переодеваний может преподноситься горькая начинка в виде самых различных методов (надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю), вполне приемлемых для достижения целей не только в разведке, но, между прочим, в жизни вообще.

Однако я не жалею, что встретился с Лонсдейлом. Замечу попутно, что на самом деле мой будущий герой не был ни «Г.А.», ни «Лонсдейлом», а Константином Трофимовичем Перфильевым, под именем которого официально значился в архивах и делопроизводстве Центра. Впрочем, не был он и Перфильевым, а Кононом Трофимовичем Молодым, сыном ученого и врача, родившимся в Москве и жившим в молодости в доме на Русаковской улице, что возле Сокольников, прямо напротив кинотеатра «Шторм», ныне снесенного, но я не уверен, что и Молодой его настоящая фамилия...

* * *

Так или иначе, у меня было с Кононом Трофимовичем ровно одиннадцать встреч. Обставлялись они следующим образом. Заранее, примерно за неделю до каждой встречи, я составлял вопросник из пяти – семи пунктов, переправлял его в соответствующее ведомство, откуда мне сообщали, когда и в котором часу я должен подъехать к главному подъезду соответствующего здания на одной из центральных площадей столицы, а проще сказать – в КГБ.

Я подъезжал. Меня встречали и вели в просторную комнату на втором этаже, которую лучше бы назвать маленьким залом. Он был пустым, если не считать длинного полированного стола с пепельницами, стоящего посередине, и более десятка стульев с одной его стороны, предназначенных для моих собеседников, и одного стула по другую сторону – для меня.

Я садился и ждал. Минут через пять входил Лонсдейл, которого сопровождали разного возраста люди, хорошо одетые и неизменно вежливые. Их возглавлял человек лет примерно сорока пяти, с белым платочком, углом торчащим из нагрудного кармана отлично сшитого пиджака; впредь я буду называть его Ведущим.

Все они по очереди здоровались со мной за руку и рассаживались на стулья, причем ни разу из одиннадцати встреч не получалось так, чтобы кто-то оставался без стула или какой-то стул без седока, хотя количество мебели и людей всегда было разным.

Мой будущий герой располагался ровно напротив меня, и после нескольких ни к чему не обязывающих фраз («Как вам погода, не промокли?» – «Благодарю, я в машине, но прекра-

тятся когда-нибудь эти дожди?» – «Прямо лондонский климат, не находите?» – «Вам лучше знать, сэр!») мы приступали к делу.

Сначала мне было непонятно, зачем столько молчаливых свидетелей отрывают себя от забот и присутствуют часами при наших беседах. Их назначение я понял, когда они начали вдруг говорить. Однажды, отвечая на мой вопрос, Конон Трофимович помянул факт из своей биографии, связанный с пребыванием в американской школе разведки, расположенной на территории ФРГ. Тут человек с платочком, названный мною Ведущим, вежливо прервал его и обратился к одному из присутствующих:

– Прошу вас, Владимир Платонович!

Тот начал:

– Строго секретная американская школа разведки находится в тридцати семи километрах от Мюнхена, если ехать по автострате Мюнхен – Берлин. На тридцать седьмом километре надо свернуть направо на бетонку, и буквально через двести метров, в лесу, на берегу небольшого озера (восемьдесят на сто двадцать шагов), будет стоять трехэтажное здание красного кирпича типичной немецкой готики, с закругленными наверху окнами по всему фасаду. Перед входом в здание два дерева: дуб диаметром около метра и ольха, ветви которой достигают окон третьего этажа...

В другой раз Лонсдейл говорил о том, как и когда он впервые оказался в Канаде, в Торонто, и остановился в отеле недалеко от вокзала. Ведущий попросил:

– Будьте любезны теперь вы, Борис Николаевич!» – после чего «Борис Николаевич» стал рассказывать мне об отеле, в котором жил в Торонто Лонсдейл: «Отель называется «Терминаль» и характерен тем, что вся обслуга его, кстати, сплошь состоящая из мужчин, носит особую униформу, специально пошитую для сотрудников «Терминаля». Лучшие номера – на шестнадцатом этаже двадцатиэтажного здания отеля: они совершенно изолированы от окружающего мира звуконепроницаемыми прокладками в стенах...»

Почему эти данные, как и прочие, не мог изложить сам Конон Трофимович, я до сих пор не знаю и могу лишь предполагать: либо он никогда в «Терминале» не останавливался и в строго секретной американской разведшколе не был, но нужно было, чтобы он там «был», по крайней мере, в повести, которую я намеревался писать, либо Лонсдейл побывал в действительности и там, и там, но почему-то ему хотелось из чужих уст слышать то, что впервые слушал я. Впрочем, я скоро привык к этим тайнам мадридского двора, больше не удивлялся и воспринимал все так, как оно и звучало.

* * *

Состав сопровождающих постоянно менялся. Уж и не помню, сколько прошло через меня Владимиров Платоновичей, Платонов Сергеевичей, Сергеев Владимировичей и т. д. Однажды я заикнулся о том, что было бы неплохо познакомить меня для общего колорита со знаменитым полковником А., примерно годом раньше Лонсдейла обмененным на крупного американского разведчика П., тоже полковника. Мне сказали туманно: подумаем, но обещать не можем. Но в один прекрасный день вдруг предложили подготовить вопросы для полковника А., а затем дали знать, когда с ним состоится встреча.

Я приехал в назначенное время, сел на свой стул, они, как обычно, вошли в обновленном составе, среди них был и Лонсдейл, однако на сей раз его посадили не напротив меня, а сбоку, зато напротив сел пожилой человек с большой лысиной и седой оборочкой вокруг голого черепа, тот самый, который уже несколько раз был в свите Конона Трофимовича и под именем «Варлама Афанасьевича» рассказывал мне об улицах Нью-Йорка, его магазинах и еще о Колумбийском университете. Это и был, оказывается, легендарный полковник А. собственной персоной!

Опять тайны мадридского двора, и вновь я мог только догадываться зачем. Возможно, А. хотел ко мне приглядеться, прежде чем со мной говорить? Но что я за птица, чтобы готовиться к беседе со мной так тщательно и странно? Или они репетировали сцену, играть которую им надлежало в другом и более ответственном месте? Между прочим, когда полковник А. добрался в своем рассказе до лондонского пригорода, куда он приехал по заданию Центра из Нью-Йорка, чтобы тайно проникнуть на какой-то строго охраняемый военный объект, Ведущий, мягко прервав его, обратился к Лонсдейлу: «Прошу вас, Конон Трофимович!», и Лонсдейл дал исчерпывающую справку относительно военного объекта, а также способов, с помощью которых можно было на него проникать. Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?

* * *

Ведущий попросил меня записей по ходу бесед с Лонсдейлом не вести, а просто запоминать, что я и делал. Эти «монологи», таким образом, воспроизводятся мною по памяти и потому могут содержать неточности, особенно в названиях маленьких городов, улиц, имен и дат, возможно, как раз нуждающихся в том, чтобы я не ошибался. С другой стороны, в такой непривычной для литератора методике сбора материала было и свое преимущество, а именно: в моей памяти оседало самое важное, яркое и существенное, в то время как мелкая рыбешка уходила из сетей, но и жалеть о ней не следует, она действительно мелкая.

Добавлю к сказанному, что на исходе последней встречи Конон Трофимович обратился ко мне с просьбой, как он выразился, личного характера: если я в самом деле буду о нем писать, нельзя ли попробовать выжать из повествования воду, так называемую беллетристику, и оставить одну суть?

Я обещал.

Даже внешний облик Лонсдейла, не зарисованный мною с натуры в блокнот, нынче воспроизводится памятью, как если бы художнику-портретисту предложили воспользоваться строго ограниченным количеством мазков. Лонсдейл был ниже среднего роста. Широкоплеч, крепко сбит. Черный. Скуластый, глаза немного раскосые: по его предкам, несомненно, пронеслась лет шестьсот назад татаро-монгольская орда. Взгляд острый, ироничный, живой.

Впрочем, в случае нужды Лонсдейл умел надевать на лицо по классическому восточному образцу маску непроницаемости, и тогда к нему вполне подходило расхожее выражение, часто применяемое авторами детективов: «Ни один мускул не дрогнул на его лице». Сказать, что в толпе Лонсдейл незаметен, что мы привыкли полагать чуть ли не главным качеством настоящего разведчика, я не могу: смотря в какой толпе! Среди казанских татар, возможно, он и растворился бы, но в обществе респектабельных английских бизнесменов – как говорят в таких случаях: извините! – я бы выделил именно его.

Вот об этом человеке мое дальнейшее повествование. Оно будет вестись, как уже сказано, от имени разных лиц и затрагивать самые разные, порой неожиданные темы, связанные с жизнью и деятельностью Лонсдейла-Молодого.

Часть 1

Беседы в здании КГБ

Ведущий: Считаю целесообразным предложить вам следующую сюжетную схему будущей книги о Лонсдейле; если что-то не будет понятно, задавайте вопросы прямо «по ходу».

Итак, с началом Великой Отечественной войны ваш герой (пусть он пока носит условное имя Л.), только что окончивший десятилетку, попадает добровольцем на фронт. В составе диверсионной группы он выполняет в тылу врага оперативные задания. Потом, возвратившись через линию фронта в родную часть, служит в разведывательном батальоне, показывает себя смелым и волевым солдатом, неоднократно берет «языков», участвует в их допросах (в качестве переводчика), выполняет отдельные поручения начальника особого отдела дивизии.

Автор: Виноват, какие поручения?

Ведущий: Отдельные.

Автор: А почему Л., а не Лонсдейл?

Ведущий: Л. не совсем Конон Трофимович... Начальник особого отдела, убедившись в том, что имеет дело со стоящим человеком, рекомендует его на работу в органы НКВД. Так ваш герой еще во время войны попадает к нам. После короткой спецподготовки его забрасывают в глубокий немецкий тыл, в самое логово.

Там, в Берлине, Л. устанавливает связь с резидентом нашей разведки Д., который снабжает его надежными документами, отрабатывает легенду-биографию, помогает легализоваться и включает в активную разведывательную деятельность.

После победоносного окончания войны Л. возвращается на родину и, уволившись из разведки, поступает в высшее учебное заведение. Обзаводится семьей.

В 1949 году, в период работы над дипломом, его вызывают в Комитет государственной безопасности.

Автор: Не понял: откуда Л. знает немецкий язык? Обычная школа?

Ведущий: Нет. До войны он четыре года прожил с родителями в Германии, учился в немецкой «школе».

Автор: Что я могу писать о резиденте Д.?

Ведущий: Ничего, кроме того, что он Д.

Автор: Но минуло более тридцати лет... Хотя бы он жив?

Ведущий: Да. В том-то и дело...

Отступление автора

Уточняя предложенную мне Ведущим сюжетную схему повести о Лонсдейле, я узнал такую прелюбопытную историю. В начале войны семнадцатилетний Конон Молодой был определен в диверсионную группу. Немецкий он знал, а парашютному и взрывному делу его научили за полторы недели. Осенью сорок первого года он уже закапывал парашют в землю где-то недалеко от города Гродно.

Во время прыжка группа рассеялась и собраться не смогла. Оставшись один, Конон, ничего не успев взорвать, попал в облаву и, как личность подозрительная, был доставлен в городскую комендатуру. Аусвайс, наскоро сделанный на втором этаже знаменитого здания на Маросейке, где формировались «летучие» диверсионные группы, был столь откровенно липовым, что юноша понимал: это конец. Но случилось невероятное.

Его ввели в кабинет, в котором под портретом фюрера за огромным столом сидел в массивном кресле немецкий полковник-абверовец и поглаживал овчарку, коротким поводком привязанную к ручке кресла. При появлении арестованного полковник встал, бросил короткий

взгляд на аусвайс (хорошо еще, что на удостоверении была фотография именно Конона, а не кого-то другого, что в спешке было возможно) и сказал: «Партизан?» Конон мотнул головой, как ученик в классе: «Не!» Он был в рваном ватнике и мял в руках шапку.

Полковник очень внимательно посмотрел на юношу, будто желая запомнить его физиономию на всю жизнь (этот невинный домысел я делаю, исходя из того, что мне известно о дальнейших событиях). Затем встал, подошел близко к Конону, взял его рукой за плечо, вывел на высокое крыльцо комендатуры, повернул к себе спиной и тяжелым кованым сапогом дал парню в зад, после чего брезгливо кинул упавшему его липовый документ и, круто повернувшись, ушел. Жизнь Конона Молодого была неожиданно спасена, правда, ценой сломанного копчика, который часто болел.

Сюжет, однако, на этом не кончается, это всего лишь его начало. Много лет спустя, уже после войны, превратившись в Гордона Лонсдейла и получив в Ванкувере канадский паспорт, Конон Трофимович по заданию Центра выехал в Вашингтон для встречи со своим резидентом по США и Северной Америке, чтобы с ним, во-первых, познакомиться и, во-вторых, согласовать детали первой совместной операции.

Встреча должна была состояться в парке для верховых прогулок, и вид прекрасно экипированных мужчин и женщин, элегантно восседавших на сказочно красивых лошадях, был таким безмятежным и мирным, что никак не способствовал воспоминаниям об ужасах минувшей войны и о давнишней истории в белорусском городе Гродно.

Итак, слегка постукивая по сапогу стеком, Лонсдейл свернул в боковую аллею и двинулся навстречу джентльмену, показавшемуся с другой ее стороны. Было точно указанное время. Несмотря на то, что наш век не каменный, а кибернетически-атомный и людей, которым нужно обнаружить друг друга в толпе, могут снабдить, я думаю, какими-нибудь локаторами на компьютерной основе, техника взаимного обнаружения осталась у разведчиков на примитивном, но, как говорят, весьма гарантированном уровне минувших столетий.

Так, сэр Гордон Лонсдейл зажал сигарету в правом углу рта, а резидент, наоборот, в левом, и оба они, как было условлено, постукивали стеками свои левые сапоги, а в петлицы смокингов воткнули булавки – один с красной, другой с зеленой головками. Ко всему прочему, визуальные признаки «своего среди чужих» должны страховать паролем, который состоит из довольно глупого вопроса и не менее идиотского ответа. Зато, если компьютеры могут сломаться и подвести, тут риск ошибиться практически исключен.

Еще издали Лонсдейл приподнял котелок, приветствуя приближающегося джентльмена, затем поднял глаза на его лицо и замер с окаменевшей физиономией: перед ним был немецкий полковник-абверовец, и как бы в доказательство того, что это был именно он, у Конона Молодого заныл копчик. А «абверовец», поняв, что его узнали, сосредоточился и, представьте, тоже открыл рот и временно его не закрывал (не зря он тогда в Гродно так внимательно вглядывался в лицо юного террориста!), а потом, явно в нарушение конспирации и вопреки оговоренным условиям, воскликнул: «Партизан?! Не может быть!»

Лонсдейл первым взял себя в руки и с философическим выражением на лице произнес слова пароля: «Вам нравятся лошади-тяжеловозы, сэр?» На это резидент почему-то с вызовом ответил: «Особенно кобылы, а вам?» Но тут же дисциплинированно исправился: «У меня на ферме два отличных тяжеловоза, сэр!»

Мне остается добавить к сказанному, что абверовцем в Гродно и одновременно резидентом по США и Северной Америке был не кто иной, как Рудольф Иванович Абель, он же полковник А., он же Варлам Афанасьевич в наших беседах на Лубянке. (Об Абеле еще будет идти речь во второй части нашего повествования).

Неисповедимы пути господни...

Ведуций: Продолжим. В КГБ вашему герою предлагают выполнить ответственное задание, связанное с разоблачением подрывных акций ЦРУ против нас в Западной Германии и, возможно, в Японии. После некоторых раздумий Л. дает согласие и вскоре оказывается на территории ФРГ в роли «немца», используя свои прежние документы и (частично) старую легенду.

Автор: Раздумывая, он советуется с женой и родственниками?

Ведуций: Нет, его решение самостоятельное.

Автор: А как объясняют жене скоропалительный отъезд супруга?

Ведуций: Не проблема: срочной командировкой Внешторга в Китай.

Автор:?

Ведуций: Л. владеет китайским языком.

Автор: Оканчивает соответствующее отделение МГИМО?

Ведуций: Можно и так. Института внешней торговли... С помощью резидента Д. он успешно легализуется, заводит полезные связи и ищет подходы к лицам, работающим в Бундеснахрихтендинст (БНД) – геленовской разведке, полностью находящейся под контролем американцев; БНД, кроме прочего, готовит для заброски в Советский Союз агентуру, вербуя ее среди русских людей, по разным причинам оказавшихся на Западе. Наконец Л. выходит на человека, с которым был знаком еще во время войны, в свою первую «командировку» в Германию. Назову этого человека Герхардом.

Для восстановления с ним «дружбы» Л. не жалеет ни времени, ни денег, но вдруг понимает, что и Герхард, работающий в БНД, тоже осторожно обнюхивает его, пытаясь, вероятно, привлечь к сотрудничеству с геленовцами.

Автор: На ловца и зверь бежит?

Ведуций: Примерно так. Но сложнее.

Автор: Нельзя ли военный период жизни Л. осветить подробнее?

Ведуций: Можно. Внесите этот пункт в ваш вопросник, адресованный Конону Трофимовичу. А пока мне придется сделать «приложение» к рекомендованной вам сюжетной схеме.

Приложение

В начале пятидесятых годов в системе БНД под маркой «Амт фюр Зее унд Шаффартсве-зен» было создано управление с кодовым названием «Архив», а при нем «служба 79», которая должна была вести стратегическую разведку против США, Англии, Франции, Италии и других государств западного блока. Не следует удивляться: во имя того, чтобы играть не подручную, а самостоятельную роль в «тайной войне» против СССР, а также для восстановления утраченного национального престижа послевоенное руководство БНД уже откровенно добивалось хотя бы формального выхода геленовской разведки из-под унижительного для немцев влияния ЦРУ. Центральное разведывательное управление США, в свою очередь, стремясь сохранить геленовцев «под собой», стало усиленно вербовать из их числа агентуру.

Гелен это знал, но пресечь не мог. Он был человеком сильным и неглупым. В конечном итоге, кстати, он перебрался в США, захватив с собой всего один портфель, но в нем была агентура практически всех европейских стран, и с таким «подарком» Гелен рассчитывал занять в ЦРУ ответственный пост и не ошибся в своих расчетах.

Тем не менее, не следует заблуждаться: главной задачей БНД была и оставалась разведывательная деятельность не против стран Запада, а против Советского Союза. В директивном указании геленовского Центра всем службам разведки – оно попало в наши руки – указывалось: «СССР является важнейшей, но и самой трудной целью нашей работы...»

В центральном аппарате БНД имелись: разведывательное Управление (отделы СССР, ГДР и других социалистических стран, а также упомянутый «Архив» со своей «службой 79»); контрразведывательное Управление; отдел психологической войны с целью вести разложенче-

скую деятельность в соцстранах, а также подготовку диверсионных акций на случай обострения международной обстановки.

Все эти службы и подразделения БНД на территории Западной Германии были замаскированы под различные фирмы и учреждения, цум байшпиль (например): «Шпециальконтор фюр Индустрибетайлигунген», «Беауфтрайер фюр Зондерфермеген» и так далее...

Автор: Вы тоже знаете немецкий? И тоже учились в «школе»?

Ведущий: Да.

Автор: Верно ли я понимаю, что сведения о БНД и ее отношениях с ЦРУ были кстати и благоприятствовали моему герою?

Ведущий: Не совсем. Они были первым и довольно важным результатом его работы. А проникал он в БНД, а затем и в ЦРУ, можно сказать, вслепую и трудно...

Итак, мы остановились на том, что Герхард, осторожно обхаживая «старого друга», старается привлечь его к сотрудничеству с БНД. Наше руководство, однако, тщательно взвесив все обстоятельства, рекомендует Л. предложение Герхарда на данный момент отклонить.

Автор: Отклонить достижение главной цели?!

Ведущий: По трем причинам. Во-первых, рано: устройство на работу в любую разведку обычно связано с весьма серьезной проверкой прошлого кандидата, к чему Л., обладая еще сыроватой легендой и только вживаясь в образ, был недостаточно готов, а рисковать им, учитывая его потенциальные возможности и перспективу, не имело смысла.

Во-вторых, отказ от сотрудничества, да еще под соусом истинно немецкого патриотического «нежелания» работать на американцев (несамостоятельность геленовцев была общеизвестна), лишь поднимает акции кандидата в глазах руководства БНД.

Наконец, в-третьих, именно в тот период Центр задумывает довольно «простенькую» акцию, касающуюся некоего Альфонса Вагнера, и ищет для нее исполнителя; ваш герой, казалось, больше других подходит на эту роль, тем более ему нужно чем-то заполнить паузу, что, как потом выяснилось, было ошибкой Центра: лучше бы ему сидеть тихо...

Альфонс Вагнер во время войны был младшим офицером. После капитуляции Германии работал начальником баварской пограничной полиции в городе Нойштадт, близ демаркационной линии, откуда и был известен нашей разведке, с тех пор за ним присматривающей.

Будучи сотрудником полиции, Вагнер поддерживал официальный контакт с органами Си-ай-си в Коттбурге, а потом стал вербовать в американской зоне оккупации агентов из числа жителей ФРГ для засылки в советскую зону. Одновременно работал и на геленовцев, то есть на БНД.

Автор: Многостаночник?

Ведущий: Вот именно. Задачей вашего героя и должна была явиться попытка перевербовки Вагнера, человека способного и обладающего завидной информацией.

Надо сказать, что еще раньше, стремясь найти дополнительные источники дохода, Вагнер сам предложил нашей разведке (в лице специально подставленного ему для этой цели представителя) купить у него данные на агентуру американской разведки. При этом Вагнер поставил условие: за «голову» каждого жителя ФРГ, который будет установлен нами как агент на основании полученных от Вагнера данных, ему выплачиваются две тысячи западных марок.

Предложение было принято. За относительно непродолжительный срок он сообщил данные на 15 человек, из которых 11 были арестованы на территории ГДР и осуждены за шпионскую деятельность. «Заодно» Вагнер передал нам сведения о ряде офицеров американской разведки, работающих в спецслужбах городов Хоф-Заал и Коттбург. Но потом Вагнер вдруг вышел из игры, заявив нашему представителю, что прекращает связь с Си-ай-си и больше не будет иметь для нас материалов. Весь период сотрудничества с Вагнером, повторяю, мы знали, что он агент БНД, но от нас этот факт скрывает.

На какое-то время Вагнер исчез из нашего поля зрения. Когда Вагнер вновь появляется на горизонте, Л. поручают договориться с ним о новом контакте на чисто коммерческой основе, то есть о продаже за наличный расчет данных на нескольких агентов, на сей раз из БНД. Дело на первый взгляд кажется простым и беспроблемным, если не учитывать того, что Вагнер «орешек», который еще надо разгрызть.

Короче говоря, Л. приходится пережить из-за него несколько неприятных мгновений. Когда они впервые встречаются (дело происходит в Нюрнберге, где в это время живет Вагнер), тот ведет себя, как «настоящий» немецкий патриот: заявляет, что одно дело продавать Советам людей, работающих на американскую разведку, а другое – тех, кто честно трудится на благо любимой фатерланд. И категорически отказывается от сотрудничества, пригрозив, что, если Л. не оставит его в покое, он сообщит о визите своему геленовскому руководству.

На это Л. замечает, что Вагнеру придется заодно сообщать и о своей недавней связи с советской разведкой и о продаже ей американских агентов.

Автор: Шантаж?

Ведуций: С грязными людьми в белых перчатках не работают... На это Вагнер с апломбом отвечает, что ничего не боится, поскольку его руководство поймет «настоящий патриотизм»: продавая американскую агентуру, Вагнер тем самым отвлекал внимание Советов от сотрудников БНД, которые решали важные оперативные задачи в советской зоне оккупации именно в это самое время. Затем Вагнер, окончательно осмелев, предлагает Л. убраться, пока цел, и они расстаются.

Л. тут же запрашивает Центр, что ему делать, и Центр оставляет решение вопроса на усмотрение исполнителя. Тогда Л., не веря, что Вагнер способен открыться своему руководству, а просто набивает себе цену, принимает решение встретиться с ним еще раз.

Автор: Но это же связано со смертельным риском! Как мог Центр...

Ведуций: Мог, так как не в силах на расстоянии оценивать достоверность и мотивы отказа Вагнера и реальность его угроз.

Л. звонит Вагнеру. Тот сам берет трубку и вновь отвечает вашему герою категорическим отказом.

Тогда, перебравшись в телефонную будку, расположенную недалеко от дома Вагнера и так, чтобы за входом в дом можно было наблюдать, Л. еще раз звонит, и снова Вагнер подходит к аппарату. Л. говорит ему, что решительно настаивает на немедленной встрече.

После паузы Вагнер приглашает его к себе, но не сразу, а часа через два. Л. делает вид, будто размышляет, а затем соглашается. И смотрит за домом. Убедившись, что в течение ближайших трех часов никто к Вагнеру не входит и не выходит от него, Л. меняет телефонную будку и вновь звонит Вагнеру.

На этот раз визуального обзора дома нет. Ваш герой открытым текстом говорит Вагнеру, что, явившись на место встречи, он непременно прихватит с собой копии расписок, которые тот давал представителю советской разведки в обмен на валюту, полученную за «головы» агентов.

Кажется, Вагнер действительно задумывается. Тогда Л. предлагает ему встретиться ровно через четыре часа, то есть в полдень, на остановке трамвая на Цельтисплатце, где находится гостиница «Капитоль», в которой Л. остановился.

Вагнер, внимательно выслушав Л., говорит, что подобные действия могут доставить и Л., и его «хозяину» большие неприятности, после чего вешает трубку.

Не колеблясь, Л. звонит опять, и вновь к телефону подходит Вагнер. На сей раз ему приходится выслушать следующее: Л. вместе с «хозяином» идет на неприятности, но предупреждает, что не меньшие неприятности ждут и Вагнера, если он откажется возобновить сотрудничество или устроит Л. ловушку. Жителям ФРГ, родственники которых «благодаря» Вагнеру были осуждены в ГДР за шпионаж, будут представлены доказательства того, что Вагнер вино-

вен в их несчастье, а если этого будет мало, тогда с ним придется навсегда расставаться, что Вагнер оценивает в меру своего собственного понимания и методов работы, и терминологии.

И Вагнер сдается... Когда Л. покидает телефонную будку, до встречи с Вагнером остается два с половиной часа. Решив вести дальнейшее наблюдение, Л. направляется вновь к дому Вагнера. Это один из самых рискованных моментов операции. Наконец он видит, что Вагнер выходит из дома и садится в «фольксваген». Ждет. Потом вдруг выходит его жена, и они вместе отъезжают в машине. Теперь Л. приходит к ясному предположению о том, что Вагнер все же готовит ему ловушку.

Автор: Извините, но я это понял уже давно!

Ведущий: Да? Интересно... Решив принять меры предосторожности, Л. едет в «Капитоль», сдает номер, но предупреждает службу, что за вещами он придет позже (на случай, если его «установят» и организуют преследование, Л. хотел оставить у противника надежду на то, что он вернется за вещами), а затем отправляется на вокзал. Там он покупает билет на поезд до Франкфурта-на-Майне, а также билет на экскурсионный автобус до Китцингена. Поезд на Франкфурт отходит в 13 часов ровно, а автобус на Китцинген пятнадцатью минутами раньше.

После этих приготовлений Л. идет в ресторан «Капитолия» завтракать. Из окна ресторана хорошо просматривается трамвайная остановка, куда должен явиться на встречу Вагнер. На часах 11.45.

Вагнер подъезжает через десять минут (Л. только лишь успел заказать пиццу), выходит из «фольксвагена», но оставляет за рулем жену. Он терпеливо ждет пятнадцать минут, изредка поглядывая по сторонам. Потом подходит к табачному киоску возле остановки. Вероятно, это был условный сигнал, так как со стороны туннеля на Цельтисплатце появляются четверо мужчин и подходят к Вагнеру.

Некоторое время они что-то обсуждают, поглядывая на часы. Затем один из мужчин поправляет шляпу, и к ним сразу подкатывают две машины, в одной из которых за рулем жена Вагнера. Трое мужчин садятся в «мерседес», один вместе с Вагнером в «фольксваген», и все они едут в направлении к вокзалу.

Л., съев пиццу, покидает ресторан и, не заходя в номер, тоже отправляется на такси к вокзалу.

Автор: Зачем?! И так все ясно!

Ведущий: Вам. Но вашему герою предстояло выносить приговор... Он видит: обе машины уже на стоянке возле вокзальной площади. Хотя опасаться Л. следует только Вагнера, который знает его в лицо по единственной встрече, это тоже очень рискованный момент.

Желая окончательно убедиться в коварстве Вагнера, Л. входит в здание вокзала и останавливается на некотором расстоянии от выхода на перрон, где проверяют билеты. Там Вагнер и двое мужчин, они стоят подле контролера, держа руки в карманах плащей. Вагнер при этом бесцеремонно вглядывается в лица идущих к поездам пассажиров. Тогда Л. быстро покидает вокзал.

Автор: Надвинув на глаза шляпу?

Ведущий: Если угодно. Экскурсионным автобусом он отправляется в Китцинген, там ночует и на следующий день оказывается уже в Берлине.

Перевербовка Альфонса Вагнера, к сожалению, срывается. Провал. Позже становится известно, что Вагнер действительно сообщил геленовскому руководству и о своей прежней связи с советской разведкой, и о передаче ей за деньги материалов на американскую агентуру, и об «искреннем» раскаянии, и о визите Л. Его не наказали, потому что он «честно» намерен был расплатиться советским разведчиком, однако не виноват, что это не получилось, хотя он делал все, что ему велели. Правда, Вагнеру предложили хранить все происшедшее в глубокой тайне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.